

Красной Армии подполковник Хиллов, который организовывал отправку большой группы детей из Константиновского лагеря в Курск:

— В лагере находились дети трудящихся Смоленщины, Калининской, Витебской и Ленинградской областей. Здесь мы встретили ребят в возрасте от двух до 16 лет. Лагерь был обнесен колючей проволокой в три ряда и высоким деревянным забором. Дети спали на деревянных нарах, покрытых грязными соломенными тюфяками. Ни у кого из ребят не было теплой верхней одежды, у большинства — никакой обуви. Все эти дети жили некоторое время в Майданеке. Оттуда, насильственно разлученные со своими родителями, они были направлены в Константиновский лагерь. У многих ребят, побывавших в Майданеке, на левой руке вытатуирован номер... Тавро на ручке ребенка! Только немецкие изуверы могли это сделать.

Мы беседовали с врачом, принимавшим детей, тов. Гербильским. Вот что она нам рассказало:

— Физическое состояние ребят, особенно малолетних, было ужасное. Все они были донельзя истощены.

Когда мы подходили к детям в белых халатах, в глазах у ребят вспыхивал страх. Когда я вынул из кармана слуховую трубку, ребята поднимали невыносимый крик, и многие из них даже потеряли сознание. Нам с большим трудом удалось их успокоить. Как потом выяснилось, у многих ребят немцы брали кровь. Так, например, у одного белорусского мальчика Зайцева немцы брали кровь пять раз! Одну двухлетнюю девочку Таню немцы цинично называли: «Наша юная донарка».

Мы сделали все, чтобы быстрее поставить ребят на ноги. Примерно около 40 особенно истощенных детей пришлось положить в госпиталь. У них немцы брали кровь помногу раз.

Перед нами лежит аккуратная зеленая папка. В середине папки — такая же аккуратная анкета. Это одна из многих тысяч анкет, которые заполняла лагерная администрация на каждого ребенка.

Вот анкета Тамары Скрипко. Из нее мы узнаем, что Тамара вместе с матерью, братом и двумя сестрами содержалась под номером 3782 в Любленском концентрационном лагере до 4 ноября 1943 года. Потом ее отправили в Константиновский лагерь. Ей 13 лет. Она из Великого Села, Витебской области. Далее мы узнаем, что у Тамары Скрипко овальное лицо, волосы — светлые, глаза — серо-коричневые, рот — нормальный, зубы — здоровые.

Но немецкого тюремщика интересовали не только физические данные маленького раба. Немецкий тюремщик хотел знать все, что связано с номером 3782. С чисто немецкой педантичностью разработаны вопросы этой страшной анкеты. Вот их краткий в далеком не полный перечень. «Является ли заключенный слабоумным или глухим? Какие у него имеются расовые и наследственные признаки? Послушен или шаловлив? Прилежен или ленив? Честен или лжив? Драчлив ли? Убегал ли из лагеря или были только попытки к бегству? Каким наказаниям подвергался в лагере?» и т. д.

Вот послушайте, что рассказал нам Володя Макеенко. Ему 13 лет. Он из города Себежа, Калининской области. Его глаза не по-детски серьезны и печальны. И когда он говорит, то вздрагивает.

— Это было в 1942 году, летом. К вам в дом вошло несколько немцев. Меня и маму насильно вытолкали на улицу, а через несколько дней посадили в вагон. В нем было много детей, женщин. Сначала меня с мамой привезли в Люблин. Потом перевезли в Майданек. Там мы голодали. Мама много работала. Зимой меня и еще много ребят увезли в Лодзь, а оттуда в Константинов. А мама осталась в Майданеке. Мне даже не дали с ней попрощаться. Где она — не знаю. Может быть, умерла, может — сожгли...

«Может — сожгли» — это говорит тринадцатилетний ребенок!

Мы беседовали еще со Степой Исаченко, 12-летним белорусским мальчиком. Он из деревни Курино, Суровского района, Витебской области.

— Нас, — рассказал Степа, — выгнал немец всей деревней. Никого в деревне не оставили. Повезли нас в Витебск, потом в Люблин, а из Люблина в Майданек. Мама у меня была старая, хвора. Работать не могла. Кормили нас травой. Потом мама умерла с голода, а меня увезли в Константинов. Там заставили нас работать у помещиков.

О страшных месяцах, проведенных в Константиновском лагере, рассказала нам и Нина Шитинова. Ей 12 лет. Отец ушел в партизаны, а она вместе с матерью и маленькой сестренкой попала в Майданек. До войны они жили в белорусском городке Яныче. Эта девочка вместе со своей маленькой сестренкой повторила скорбный путь Володи Макеенко и тысяч других ребят. Из Майданека мать угнали в глубь Германии на каторжные работы. А Нина вместе с сестренкой после долгих мытарств попала в Константиновский лагерь.